

К вопросу о языке Киевских листков

Киевские листки по отразившимся в них особенностям языка занимают исключительное положение среди древнейших славянских памятников. С одной стороны, последовательное правописание *ȝ*, *ც*, *шұ* из общеславянских *dj*, *tj*, *skj*, *stj*, *sk'* на месте старославянских *жд*, *шт*, казалось бы, должно объясняться тем, что писец, внесший в текст памятника эти особенности правописания, был чех, так как только в старочешском языке общеславянские *dj*, *tj*, *skj*, *stj*, *sk'* отразились в виде *z¹*, *c*, *šč²*; с другой стороны, мы не только не находим в памятнике целого ряда других черт, отличающих чешский язык от старославянского, но видим, что во всех случаях, кроме указанного правописания *ȝ*, *ც*, *шұ*, в правописании памятника последовательно проведены такие черты старославянского языка, которые отличают его от старочешского, а именно: 1. правильное употребление юсов, свидетельствующее об отсутствии совпадения носовых гласных с неносовыми *u*, *a*, кроме одного случая — *небесъскоѹж* (instr. sing.) — который вследствие своей единичности не может рассматриваться как чехизм, наравне с употреблением *ȝ*, *ც*, *шұ*, и требует особого объяснения; 2. обозначение рефлексов общеславянских *ѣ*, *ja* и *a* после мягких одной буквой, отражающее произношение, в котором *ѣ*, *ja* и *ja* совпали; 3. сочетания *бл*, *мл*, *вл* из общеславянских *bj*, *mj*, *vj*; 4. одно *л*, соответствующее западнославянскому *dl* в словах *молітвж*, *молімъ* и т. п.; 5. *с* в местоимениях *въсь* и *въстъкъ*; 6. dat. sing. местоим. *тѣгѣ*.

Кроме того, можно отметить единичные случаи: 1. смешение юсов в слове *ходатайцю* (dat. sing. masc. part. praeas.); 2. начальное *ра-* в слове *раздрѣщенник*; 3. *т* в слове *тоѹзимъ* (по-чешски здесь было бы *c*).

¹ В польском и словацком *ȝ* (*dz*), что писец, не знавший особого знака для старославянского диалектического *ȝ* (старослав. буквы *ȝ*, *ȝ*), мог бы передать только через *d* или *dz*, а не через *z*.

² Современное *šč* в чешском, как известно, не раньше XIII—XIV в.

Эти особенности правописания Киевских листков вызвали разногласие среди ученых, касавшихся их языка. Одни (Miklosić, Фортунатов, Geitler, Kalina, Ляпунов, Щепкин, Грунский, Кульбакин), не допуская, чтобы переводчик или писец мог последовательно провести в своем правописании одни черты своего говора, ничем не обнаруживши других черт, предполагали, что Киевские листки отражают особый старославянский говор, в котором общеславянские *dj*, *tj*, *skj*, *stj*, *sk'* дали не *zd'*, *st'*, как в других старославянских говорах, а *z*, *c*, *šč*. Другие, очевидно, считая возможной такую двойственность в отношении писца к сохранению старославянского правописания и передаче своего живого говора, видели в употреблении *з*, *ц*, *шч* на месте старославянских *жд*, *шт* чехизмы (Leskien, Jagić, Oblak, Vondrák и др.). И то, и другое предположение мне представляется априорным. Для того чтобы решить вопрос о языке Киевских листков в ту или другую сторону, необходимо доказать, что предполагаемая некоторыми учеными двойственность в передаче черт своего и чужого языка возможна или невозможна.

Я думаю, что мы располагаем таким материалом, который позволяет решить, может ли писец, пишущий на языке, близко родственном его личному языку, но отличающемся от него некоторыми чертами, последовательно вносить в свое правописание известные особенности, отражающие черты его родного языка, так же последовательно сохраняя в остальном правописание, не соответствующее его живому произношению. Таким материалом являются между прочим древнейшие памятники русского письма XI и XII вв., представляющие частью списки со старославянских оригиналов, частью переводы, сделанные русскими переводчиками, но на старославянский язык, и даже оригинальные произведения русских авторов на том же языке. Изучая эти памятники, мы замечаем большое сходство между ними в передаче особенностей своего живого произношения. Именно, во всех их очень ярко отражаются такие черты русского языка, как переход носовых гласных *v* и *'a*, изменение общеславянского *dj* в *ž* в соответствии со старославянским *жд*, а также морфологические явления: instr. sing. masc. и neut. на *-мъ*, *-ъмъ* и 3 sing. глаголов на *-ть*; в памятниках северорусских сюда присоединяется совпадение старых *с* и *č* в одном звуке.

Переход *q* в *и* только в немногих памятниках отражается в виде постоянного смешения *ж* с *ѹ* или *ю*; в большинстве же памятников уже с

XI в. **ж** почти не встречается, заменяясь последовательно буквами **ѹ** и **ю**; что касается употребления **ѧ**, **ѧ**, **ѧ** и **ѧ** после мягких, то в некоторых памятниках мы видим постоянное смешение этих букв (причем **ѧ** почти не употребляется, а **ѧ** вместо **ѧ** пишется только после шипящих и **ц**), в других буква **ѧ** последовательно пишется как на месте старославянского **ѧ**, так и на месте старославянского **ѧ** (причем можно думать, что в старославянских прототипах этих памятников буквы **ѧ** и **ѧ** писались как для передачи сочетаний *ja*, *jɛ*, так и для передачи гласных *a*, *ɛ* после смягченных *r*, *l*), буква же **ѧ** пишется правильно согласно старославянскому употреблению и только в редких случаях заменяется буквой **ѧ** после шипящих и буквою **ѧ** после других согласных; третья категория памятников отличается от предыдущей только тем, что буква **ѧ** после согласных вообще в них не пишется, заменяясь буквой **ѧ**; таким образом, в этих памятниках **ѧ** обозначает сочетание *ja*, явившееся в русском произношении на месте общеславянских *ja*, *jɛ*, а буква **ѧ** — звук *a* после мягких (как старых, так и ставших смягченными на русской почве) из общеславянских *a*, *ɛ*.

На месте старославянского **жд** из общеславянского *dj* в большинстве памятников почти последовательно пишется в согласии с русским произношением одно **ж**, и только изредка сохраняется старославянское **жд**, но в некоторых памятниках мы наблюдаем смешение обоих написаний, впрочем с преобладанием русского. Совпадение **с** и **ć** в одном звуке в северорусских памятниках отражается в виде постоянно го смешения букв **ц** и **ч**, свидетельствующего о том, что для писцов эти буквы были лишь графическими вариантами для обозначения одного и того же звука. По отношению к правописанию **ъ** и **ь** с плавными из общеславянских сочетаний типа *tъrъt* древнейшие русские памятники представляют большие разногласия: в одних довольно последовательно выдерживается старославянское правописание с постановкой **ъ**, **ь** после плавных, в других мы встречаем частые отступления от старославянского правописания в виде написаний **ъръ**, **ъръ**, **ълъ** и т. п. или с постановкой **ъ**, **ь** только перед плавными, в третьих старославянское правописание этих сочетаний почти не встречается, заменяясь русским правописанием **съ**, **ь** перед плавными. Менее ярко выражено в древнейших памятниках русского письма русское изменение общеславянских сочетаний **zgj**, **zdj**, **zg**. Большинство памятников здесь сохраняет старославянское правописание с **жд**, но некоторые допускают, наобо-

рот, отступления от старославянского правописания, причем в севернорусских памятниках пишется жг или одно ж, по большей части непоследовательно, рядом со старославянским жд, в южнорусских — жу.

Что касается остальных звуковых черт русского языка, то они отражаются в большинстве памятников лишь в виде немногочисленных, случайных ошибок против более или менее выдержанного старославянского правописания. Так, например, во 2-м почерке Архангельского Евангелия (не позже 1092 г.) на 100 с лишком листах *а́зъ* вместо старославянского *а́зъ* только один раз, случаев полногласия всего 4 при огромном количестве неполногласных форм; слово *одинъ* с начальным *о* всего 3 раза, тогда как написание *единъ* встречается 6 раз, а *кдинъ* — около 60 раз, буква *у* в согласии с русским произношением в соответствии со старославянским *щ* встречается около 10 раз (почти все примеры в формах глагола *чую* и в слове *чужъ*), тогда как *щ* в том же значении во всяком случае больше 60 раз (ср. обратное отношение употребления ж и жд из общеславянского *dj*: ж — 55 раз при 4 случаях сохранения старославянского правописания с жд).

Чем объясняется различное отношение писцов к передаче различных особенностей своего произношения? На это нетрудно ответить. Писцы старались писать не на своем языке, а по-старославянски, но в то же время не стремились к точной передаче старославянского произношения и заменяли звуки старославянского языка родными звуками во всех случаях, когда правописание не давало точных указаний на произношение или когда оно указывало на такие звуки или сочетания звуков, которые не встречались вовсе в русском языке. Так как букве ж во всех случаях в русском языке соответствовали те звуки, которые обозначались в других словах буквами оу и ю, то русский писец должен был смотреть на ж как графический вариант букв оу и ю, обозначающий те же самые звуки, а потому правильное различение букв ж, с одной стороны, и оу, ю, с другой стороны, как чисто графическое, не связанное с различным звуковым значением букв, представляло большие затруднения. В таком же положении русский писец находился и по отношению к буквам я и я, обозначавшим для него один и тот же звук. Легче было отличить я и я, так как я в старославянских оригиналах писался только после согласных, а я преимущественно в начале слова и после гласных. Но то обстоятельство, что после согласных н и я в старославянском письме могли быть обе буквы, а русский язык не

представлял данных для различения этих букв в таком положении, а также своеобразное некоторым старославянским памятникам употребление **ѧ** вместо **ѧ** в начале слова и после гласных привели к смешению **ѧ** и **ѧ** в русском письме. Сочетание **жд**, очевидно, отсутствовало в русском языке в то время, когда русскими была усвоена старославянская письменность. Почти во всех случаях, где в старославянском было **жд**, в русском языке было **ž**, и потому русские писцы могли смотреть на это **жд** как на графический прием, читая это буквенное сочетание по-своему, как **ž**. Правда, сочетание **жд** писалось также в нескольких словах, которым в русском языке соответствовали слова не с **ž**, а с известными сочетаниями (в одних говорах **žž**, в других **žj** и т. п.), и в этих словах, по-видимому, понималось не как вариант для **ж**, а как обозначение того звукового сочетания, которое произносилось в них в русском языке, но таких слов было очень немного (так, например, во всем евангелии — в полном тексте — случаев употребления такого **жд** не больше 20; из них часть — в словах, по-видимому, неизвестных русскому языку), и потому с сочетанием **жд** у русского писца не связывалось прочно представление ни о звуковом сочетании **žd**, ни о звуковых сочетаниях **žž**, **žj** и т. п. Для последних старославянская азбука не располагала подходящими способами обозначения. Не имея в своем языке сочетания **žd**, русские писцы в тех случаях, где старославянское **žd** восходило к общеславянским **zdj**, **zgj**, **zḡ**, произносили те звуковые сочетания, какие являлись в соответствующих словах в их родном языке, и, не удовлетворяясь написанием **жд**, не соответствовавшим этому произношению, искали других способов его письменной передачи; такими способами и являлись **жг** в северорусских памятниках (начиная с Миней 1095 г.) и **жу** в южнорусских.

В другом положении находились русские писцы, когда они встречались со старославянскими словами, заключавшими те звуки и сочетания звуков, которые были известны и русскому языку. В этих случаях передача старославянского правописания не представляла большой трудности. Русский писец правильно писал по-старославянски **брати сѧ, глаſъ, дре́во, пле́нъ** и т. п., потому что в его языке были такие слова, как **брать**, **глазъ**, **древъ**, **плѣнь** и т. п.; для него не представляли затруднения такие слова, как **єдинъ, єзёро, єсень** или **јединъ, јзёро, јсень**, потому что и в его языке были слова с начальными **e** и **je**: **есе, јсть, юль, јжъ** и др.; точно так же он писал **рабъ, растоу, ладна, лакъть**,

потому что в его языке были слова с начальными *ta*, *la*: **ратан**, **развѣ**, **разъ**, **ладити сѧ**, **лакомъ**, **ласкавъ** и др.; букву **щ** русские писцы поняли как обозначение того звукового сочетания, которое получилось из общеславянских *skj*, *stj*, *sk'*, потому что в этом значении эта буква употреблялась и в старославянском письме; встречая ту же букву в соответствии со своим *ć* из общеславянского *tj*, русские писцы читали ее так же, как и в тех случаях, где она обозначала звуковое сочетание из общеславянских *skj*, *stj*, *sk'*, т. е., например, в слове **խցիկ** читали тот же звук, который произносили в слове **պուշկ**, и т. д. Таким образом, отношение значительной части русских писцов к передаче на письме особенностей старославянского и русского языков можно определить так: писцы более или менее последовательно отступали от старославянского правописания в сторону передачи собственного произношения в тех случаях, когда не находили в своем произношении соответствующему правописанию звуков и звуковых сочетаний, и по возможности выдерживали старославянское правописание, если это правописание в глазах писца не представляло трудностей для прочтения.

Обращаясь к правописанию Киевских листков, мы видим, что употребление *զ* вместо **жд** в этих листках представляет полную параллель употреблению **ж** вместо **жд** в русских памятниках. Противоречит русской передаче старославянского **шт** последовательная передача этого сочетания в Киевских листках в одних случаях через **ц**, в других через **шү**. Но эта черта, как мне кажется, может объясняться тем, что в той школе письма, представителем которой являлся писец Киевских листков или его предшественники, не употреблялась или редко употреблялась лигатура **щ**, тогда как русские писцы встречали ее настолько часто, что не отождествляли ее с сочетанием **шт**. Так как языку писца Киевских листков сочетание *št* не было свойственно, то он читал на месте его те звуки, которые были в его живом произношении, и обозначал эти звуки на письме буквами **ц** и **шү**, которые соответствовали этим звукам в других словах. Таким образом, причины, заставившие писца Киевских листков или его предшественников заменить старославянское **шт** буквами **ц** и **шү**, были те же, что и причины, побуждавшие русских писцов вместо **жд** писать **ж** и **жг** и **жү**.

Писец, который последовательно заменял старославянские **шт** и **жд** согласно своему произношению через **шү**, **ц** и **զ**, непременно должен был бы с тою же последовательностью передать на письме и свое про-

изношение рефлексов общеславянских носовых гласных, если бы эти гласные в его произношении совпали с другими, неносовыми гласными, как об этом свидетельствуют уже древнейшие памятники русского и сербского письма. Поэтому последовательное употребление юсов и отсутствие смешения их с буквами **ѹ**, **ю**, **ѣ**, **ѧ** свидетельствуют о том, что тот писец, которому Киевские листки обязаны употреблением **ȝ**, **ц**, **шү** вместо старославянских **жд**, **шт**, обозначал посредством юсов звуки, отличные от *и*, *а* и т. п. неносовых звуков. Один случай написания **ѹ** вместо **ж** может объясняться или тем, что в языке одного из писцов, но не того, который внес в памятник правописание **ȝ**, **ц**, **шү** вместо **жд**, **шт**, а другого, ставшегося не отступать от правописания оригинала, общеславянские *q* и *и* совпали в одном звуке, или тем, что писец, произносивший вообще *q* отлично от *и*, в данном случае произносил именно *и*. Это могло быть, например, в том случае, если писец произносил **ж** как и носовое, терявшее свое носовое свойство перед сочетанием *i + и* носовое. Впрочем, неясно, следует ли предполагать для языка писца форму твор. ед. женского р. прилагательных, восходящую к общеславянской форме на *-ojo*, ввиду написания **вѣчъноjк**; с другой стороны, окончание **-жъk** без замены **ж** через **ѹ** встречается в Киевских листках один раз в форме *akk. sing.*: **въкоѹпънжъk**.

Что касается остальных черт старославянского языка, не свойственных чешскому языку, то правописание Киевских листков, несмотря на всю его выдержанность, не позволяет утверждать, что эти черты были свойственны языку писца Киевских листков или его предшественников: буква **ѣ** употреблялась писцом согласно глаголической орфографической традиции для обозначения рефлексов как общеславянского **ѣ**, так и общеславянского *ja* и *a* после мягких, подобно тому, как в нынешнем русском письме буква *e* употребляется и для обозначения звука *e*, и для обозначения звука *o* после мягких; другого способа передачи этих звуков ни писец Киевских листков, ни его предшественники не знали и потому должны были мириться с различными значениями этой буквы; сочетания *bl*, *ml*, *vl*, одно *l* между гласными, начальное *ta*, *s* перед **е**, **ѣ**, **ѧ** (ср. **въсемогън**, **въсѣхъ**, **въсѧ**), если даже писцы и не произносили их в словах, соответствовавших старославянским **прѣмлемъ**, **молимъ**, **раздрѣшеник**, **въсѣ** и т. п., несомненно, встречались в их произношении в других словах, и потому сохранение старославянского правописания в этих и подобных словах не представляло для писцов за-

труднения, так же как и старославянское *тѣбъ*. Букву *т* в слове *тѹдимъ* писец мог написать как в том случае, если это *t* соответствовало его живому произношению, так и в том случае, если он в начале этого слова произносил *c*, так как начальное *t*, являвшееся в старославянском языке в этом слове, было известно писцу в других словах своего родного языка.

Таким образом, окончательные выводы из рассмотрения правописания Киевских листков мне представляются в таком виде.

1. Или а) писец одного из протерографов Киевских листков говорил на языке, в котором общеславянские носовые гласные еще не совпали с теми или другими неносовыми гласными этого языка, но в то же время на месте общеславянских *dj*, *tj* и *stj*, *skj*, *sk'* являлись звуки *z*, *c*, *šč*; этот протерограф был переписан лицом, произносившим *и* на месте общеславянского *q*, но настолько тщательно переписывавшим свой оригинал, что эта особенность произношения отразилась на его работе только один раз;

или б) особенности языка, относимые при первом предположении к писцу одного из протерографов Киевских листков, могли принадлежать как одному из предшественников последнего писца Киевских листков, так и самому последнему писцу; в таком случае написание *нєвеськоѹж* в Киевских листках не свидетельствует о переходе всякого общеславянского *q* в *и* в языке писца, хотя может быть понято как указание на то, что в известном положении такой переход происходил.

2. Правописание Киевских листков ввиду их незначительного объема не дает указаний на то, были ли в языке писца Киевских листков и его предшественников такие особенности чешского языка, как мягкие губные без *l'* из общеславянских сочетаний губных с *j*, сочетания *dl*, *tl*, звук *ž* в местоименной основе *тъž-*, начальное *ro-* из общеславянского *or-*, *c* в слове *cizъ*, dat. sing. *tobъ*: старославянское правописание в подобных случаях может свидетельствовать не только об особенностях языка писца, но и об известной грамотности, причем степень грамотности его могла не превышать степени грамотности значительной части русских писцов XI и XII вв.

Был ли писец Киевских листков или тот из его предшественников, который внес в свою работу правописание *z*, *ц*, *шч* вместо старосла-

вянских жд, шт, чех? Положительное решение этого вопроса становится возможным (но не необходимым) только при допущении предположения, что в чешском языке в то время, когда производилась эта работа, общеславянские носовые гласные еще не совпали с и, а неносовыми.

Написание циркънаѣ вряд ли дает указание на язык писца. Правда, в чистом старославянском говоре, не знавшем сочетаний « voc. + liqu.» между согласными, это слово, даже будучи заимствовано с таким произношением из другого славянского языка, должно было измениться согласно фонетическим требованиям старославянского языка, но, с одной стороны, мы встречаем в Киевских листках и написание щръкъве, не являвшееся по законам старославянской фонетики неудобопроизносимым, а с другой стороны, уже древнейшие памятники старославянского языка заключают ряд слов, заимствованных с греческого языка, с сочетаниями « voc. + liqu.» между согласными.

Ударений в Киевских листках не рассматриваю, предполагая вслед за проф. Кульбакиным, что они не дают определенных указаний на родину писца.